

псложения. И как бы велики ни были противоречия, именно в этом пункте между знатью и зарождающейся буржуазией существовало полное единство взглядов, «социальная гармония».

Мятежное состояние массы, ее враждебность к своим «естественным господам», ее неустройство и «неуправляемость» не только вызывали в аристократических верхах европейского общества повышенный интерес к «нормам права», но и толкали эти верхи в одном и том же направлении — поиска новых юридических средств обуздания и регулирования зависимой массы, что сводилось к требованию кодификации «естественных привилегий» дворянства, с одной стороны, и столь же «естественной» бесправности и подвластности этой массы — с другой.

Вопрос «de servis» был для имущих классов XVI в. — безразлично к их сословному положению — приблизительно тем же, чем для буржуазии XIX в. стал «рабочий вопрос». Об этом недвусмысленно свидетельствуют многочисленные национальные варианты так называемого «рабочего законодательства», появляющегося в различных странах Европы XVI в.⁷ Именно в это время вопрос об обеспечении «рабочими руками» — безразлично: будь то господские фольварки к востоку от Эльбы или хозяйство крупных арендаторов к западу от этой реки, частные мануфактуры в Англии или «казенные мануфактуры» во Франции — приобретает столь острый характер, что дворянское государство повсеместно приводит в движение орудия массового насилия. И то обстоятельство, что в одном случае речь идет о принуждении свободных под угрозой публичного бичевания и заключения в работные дома «наниматься» за любую плату, а в другом случае — о прикреплении крестьян к земле поместья — не должно вводить нас в заблуждение. Перед нами лишь различные исторические пути решения «рабочего вопроса» средствами XVI в. Речь шла лишь о юридической форме принуждения, само же принуждение было повсеместно откровенным и беспощадным⁸. По средневековой традиции труд на другого мыслился лишь в форме принудительного труда. Именно поэтому итальянец Бонакossa называет сервами лично свободных и «вольнонаемных слуг», а северогерманец Гусанус точно так же именует крепостных крестьян. Одним словом, прежде, чем две эпохи окончательно разошлись, они проявились в единстве, в тождестве воззрений на человека, лишенного независимых средств существования, как на человека «несвободного», «низкого», «рабского состояния».

Однако между указанными фазами «рабочего вопроса» существует и немаловажное различие — их публицистика говорила на разных языках. Публицистика XIX в., усвоив терминологию классической

⁷ К сожалению, до сих пор еще не предпринята попытка марксистского сравнительно-исторического изучения этого законодательства — задача в высшей степени назревшая и благодарная.

⁸ Этот тип в коем случае не снимается принципиальное различие исторических путей развития в XVI—XVIII вв. Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы — с другой. Подчеркивается лишь один из исходных моментов, сближающих самую раннюю фазу этих путей.